

ликих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932—1945. Свердловск, 1984. С. 47—55.

³⁴ Winter E. K. Arbeiterschaft und Staat: Dokumente. Wien, 1934.

В. А. БУХАНОВ
Уральский университет

Формирование внешнеэкономической концепции германского фашизма (1929—1933)

Германский национал-социализм, как и фашистские движения в других странах, представлял собой полную противоположность коммунистическому движению. Он выражал коренные интересы наиболее реакционных кругов империалистической буржуазии в новых, необычных для нее условиях начавшегося общего кризиса капитализма. Глубинная сущность национал-социализма проявилась, однако, не сразу. Только со временем в нем обнаружилась крайняя, кризисная форма реализации процесса государственно-монополистического развития современного капитализма [1. С. 164]. Первоначально она не осознавалась ни многими представителями финансовой олигархии, ни тем более фюрерами НСДАП.

В первое время крупные банкиры и промышленники видели в нацистской партии лишь одну из крайне правых группировок, в великом множестве расплодившихся в послевоенной Германии. Им были понятны и близки фашистские идеи тоталитарной диктатуры, а также агрессивной внешней политики. В то же время их не могли не настораживать некоторые зафиксированные в «Двадцати пяти пунктах» НСДАП лозунги, такие, например, как национализация трестов и участие рабочих в прибылях крупных предприятий [2. С. 28]. Монополисты требовали внести ясность в этот важнейший вопрос. Им хотелось получить определенное представление и о внешнеэкономической концепции фашизма, но вплоть до конца двадцатых годов ее просто-напросто не существовало.

Гитлера в то время волновала главным образом проблема организации массовой партии, опираясь на которую можно было бы претендовать на власть. В своей первой книге, «Майн кампф», он, по существу, пытался дать ответ на вопросы о том, как превратить национал-социалистскую партию в массовую, хорошо организованную и слепо повинующуюся ему силу; как, используя эту силу, захватить власть в стране; как употребить узурпированную государственную власть на подготовку и развязывание мировой войны. С циничной откровенностью в книге излагались способы овладения обыденным сознанием немец-

кого народа. Вопросы экономического строительства почти не затрагивались Гитлером под тем предлогом, что преждевременное слияние мировоззренческой борьбы с экономической очень опасно, ибо «немедленно отвлечет энергию от борьбы политической» [3. S. 680]. Сначала нужно прийти к власти, писал он, а уж затем использовать ее для решения экономических проблем [3. S. 681].

Такая формула была рассчитана на простаков. Чем дальше, тем больше нацистский фюрер убеждался в том, что без материальной помощи монополий ему не удастся не только захватить власть, но и создать массовую партию. Во второй половине и особенно в конце 20-х гг. наметилось дальнейшее сближение между известными группами финансовой олигархии и верхушкой НСДАП. В 1928 г. Гитлер, отказавшись от соответствующих положений партийной программы, заявил, что нацистская партия «стоит на почве частной собственности» [2. С. 29].

Но монополистам этого уже было мало. Постепенно увеличивая размеры пожертвований в пользу национал-социалистского движения, давая ему возможность активно участвовать в предвыборных кампаниях в качестве реальной силы, они одновременно оказывали все возрастающий нажим на партийных руководителей, требуя до конца определиться в экономических вопросах. Дело в том, что такие видные функционеры, как Г. Федер, Г. Штрассер, О. Вагенер и другие, в большей мере, чем группа Гитлера, прислушивались к мнению средних слоев и потому в своих выступлениях нередко допускали выпады против крупного капитала [4. S. 862—869]. Проблема стала чрезвычайно острой в связи с успехами нацистов на парламентских выборах 1930—1932 гг., вплотную придвинувших их к вершинам власти. В таких условиях крупнейшие немецкие промышленники и банкиры не могли оставаться сторонними наблюдателями. Введением в верхние эшелоны партии своих влиятельных представителей Я. Шахта, В. Функа и В. Кепплера они ускорили развязку и, оказав помощь Гитлеру, внесли решающий вклад в поражение Штрассера и К^о.

Внешне этот процесс выглядел как оживленный обмен мнениями внутри НСДАП, как согласование различных точек зрения по коренным экономическим вопросам. В действительности же это было намеренным объединением нацистского мировоззрения с экономическими взглядами наиболее реакционных кругов финансового капитала. В итоге в идеологии национал-социализма появились такие черты, которые существенно отличали его от платформы «Двадцати пяти пунктов».

Начало этому процессу положило образование в декабре 1929 г. комиссии для подготовки «Справочника по национал-социалистскому экономическому учению» [5. Bl. 101]. В нее входили преимущественно старые члены партии — Федер, Гесс, Гиммлер, Г. Штрассер и некоторые другие, им вменялось в обязан-

ность составлять письменные предложения и принимать участие в регулярно созываемых Гитлером совещаниях. Однако вскоре члены комиссии были оттеснены на второй план новыми экономическими советниками фюрера, в первую очередь Шахтом, Кепплером, Функом, — а за их спиной стояли крупнейшие германские монополии. В постоянных беседах с Гитлером новые консультанты критиковали «бессмысленные теории национал-социалистских экономических политиков» [6. S. 23], рекомендовали передать разработку конкретной экономической программы крупным предпринимателям и банкирам [2. С. 157], оставив за партийными деятелями только сферу идеологии и политики.

Советы монополистов до некоторой степени соответствовали устремлениям и нацистского фюрера, распорядившегося при обсуждении экономических проблем ставить на передний план мировоззренческую сторону [4. S. 867]. Вместе с тем за такой формулировкой скрывался и более глубокий смысл: отвечает ли та или иная разработка идеологическим принципам национал-социализма. Гитлер отнюдь не собирался быть марионеткой крупного капитала, он хотел встать не только над партией и государством, но и над монополиями. Этот момент не могли не учитывать его новые советники. В ходе подготовки экономической программы предстояло найти общие точки соприкосновения, которые устраивали бы как финансовую олигархию, так и фашистскую партию. К поискам общего подхода были привлечены и реакционно настроенные представители немецкой профессуры.

В 1931—1932 гг. в НСДАП существовало несколько экономических ведомств, среди них выделялись Экономический совет имперского правления партии во главе с Г. Федером, руководимый О. Вагнером Хозяйственно-политический отдел Второго организационного управления НСДАП и так называемый кружок Кепплера [7. S. 8; 8. S. 31, 32; 9. S. 253; 10. S. 67—69; 11. S. 170]. Все они напоминали скорее верхушку айсберга. «Кружок Кепплера» был тесно связан с крупнейшими представителями монополистического капитала, Экономический совет использовал в своей работе материалы «Исследовательского общества по вопросам денег и кредита» и многих других организаций, Хозяйственно-политический отдел создал ряд собственных филиалов, в том числе «Кружок по изучению социально-экономических проблем», «Кружок мирового хозяйства», «Отдел межгосударственных экономических отношений» и др. Таким образом, национал-социалистское экономическое учение и его составная часть — внешнеэкономическая концепция — представляли собой результат совместной деятельности НСДАП, финансовой олигархии и профессуры. Национал-социалистская идеология и экономические взгляды наиболее реакционных кругов монополистического капитала были искусно соединены, приспособ-

соблены друг к другу, хотя до полной гармонии дело тогда не дошло.

Но какие же идейно-теоретические принципы покоились в основании нацистского экономического учения?

В основе мировоззрения национал-социализма лежало доведенное до крайних пределов натуралистическое понимание истории, о чем довольно откровенно писали Гитлер и его приближенные. Наше мировоззрение, подчеркивал сочинитель «Майн кампф», «соответствует глубинному желанию природы», оно «принципиально отвержено основной аристократической идее «природы» и следует ее законам [3. S. 421, 422].

Ему вторил член Экономического совета имперского правления НСДАП, специалист по внешнеэкономическим вопросам В. Дайтц. «Я не хочу ничего,— писал он в письме К. Хаусхофферу 10 марта 1932 г.,— кроме осознания необнаруженных или неосознанных до сих пор принципов природы с тем, чтобы объявить их в качестве законов... и исполнять их в будущем» [12. S. 126]. Главнейшей задачей национал-социализма Дайтц считал «восстановление внутренней логики и внутреннего смысла вещей», всего того, что природа инстинктивно поддерживает в формах жизни, но что было разрушено вмешательством «материалистического интеллекта» [13. S. 82]. При этом нацистская партия уподоблялась Дайтцем квалифицированному врачу, помогающему природе «самоизлечиться» [14. S. 36; 15. S. 32].

Но в чем же эти самозванные эскулапы видели «глубинное желание природы», в чем заключалась, по их мнению, ее «основная аристократическая идея», какой смысл они вкладывали в процесс «самоизлечения природы»? В нацистских писаниях можно найти ответ и на этот вопрос. Оказывается, природе угодно, чтобы в человеческом обществе сохранялось, поддерживалось и культивировалось неравенство людей и народов, чтобы «худшие» погибли либо подчинились «лучшим», которые в награду получают весь земной шар. Именно в этом «законе природы» коренилась нацистская расовая теория. Национал-социалистское мировоззрение, отмечалось в «Майн кампф», признает «значение человечества в его исходных расовых элементах... Оно никоим образом не верит в равенство рас, а... признает их более высокую или более низкую ценность и благодаря этому чувствует себя обязанным — в соответствии с вечным желанием, царящим во вселенной,— содействовать победе лучшего, более сильного, требовать подчинения худшего и более слабого» [3. S. 420, 421]. Важнейшей задачей будущего фашистского государства Гитлер называл задачу «сохранения и укрепления расы, этой основной предпосылки всей человеческой культуры» [3. S. 430]. Высшей расой объявлялись арийцы, среди них — германцы, а на самой вершине расовой пирамиды стояли немцы.

Следующим формально-логическим компонентом национал-социалистского мировоззрения выступает понятие «народ» — но не в общеупотребительном смысле слова, а в иррационально-мистическом, националистически-шовинистическом, расовом духе. «...Народность, или, лучше, раса...», — так понимался Гитлером этот термин [3. S. 428]. В его первой книге нацистская идеология именовалась не иначе как «фёлькишское мировоззрение». Немецкий народ, по Гитлеру, призван природой стать властелином земного шара, народом господ, но для этого необходимо ликвидировать классовую борьбу, сплотить в едином государстве всех немцев, «собрать и получить из этого народа самые ценные фонды исходных расовых элементов» [3. S. 439, 674]. Для устранения классовой борьбы нацисты включили в «Двадцать пять пунктов» лозунг «Общее благо выше частного», используя его впоследствии и в более широком плане.

Но каким образом можно превратить немецкий народ в настоящего господина земного шара? Как добиться его возвышения над всеми другими народами? Только путем проведения пространственной внешней политики, говорил нацистский фюрер, заключающейся в том, чтобы постоянно приводить в соответствие «естественное соотношение между численностью растущего народа, с одной стороны, и размерами и качеством земли, с другой... Лишь достаточно крупное пространство на этой земле обеспечивает народу свободу существования» [3. S. 728]. Динамичному, способному на вечное созидание немецкому народу следует проводить политику германизации, но не чужих, низших народов и рас — это привело бы к нежелательному кровосмешению, — а земли, пространства. «То, что в истории было с пользой германизировано, — писал фюрер, — была земля, которую наши предки приобрели с помощью меча и заселили немецкими крестьянами» [3. S. 428, 430]. Пространственная внешняя политика национал-социализма означала, следовательно, не просто завоевание чужих территорий, а физическое уничтожение или, по меньшей мере, изгнание проживающего там местного населения как обязательную предпосылку немецкой колонизации.

Именно под данным углом зрения следует понимать часто цитируемое требование Гитлера о необходимости завоевания жизненного пространства в Восточной Европе: «Мы начинаем там, где закончили шесть столетий назад. Мы прекращаем вечное движение германцев на юг и запад Европы и обращаем взоры на восточные земли. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к земельной политике будущего. Но, говоря сегодня о новых землях в Европе, мы можем думать в первую очередь только о России и подчиненных ей окраинных государствах» [3. S. 742].

Вот таким конгломератом «идей» пришлось заниматься нацистским функционерам, представителям финансовой олигар-

хии и немецкой профессуре, чтобы согласовать национал-социалистское мировоззрение с практическими потребностями монополистического капитала. Именно накануне установления фашистской диктатуры в Германии был заложен фундамент экономического учения и внешнеэкономической концепции нацизма.

Прежде всего возникла необходимость определиться с названием нацистской экономики. Нужно было придумать такое название, которое соответствовало бы основополагающим принципам национал-социалистской идеологии, не отпугивало бы монополистическую буржуазию и одновременно было бы привлекательным для широких слоев немецкого бюргерства. Для руководства НСДАП это был вопрос чести, и в 1931—1932 гг. вокруг него развернулись бурные споры. В числе других предлагались такие термины, как «национальная экономика» [10. S. 68], «социальная экономика» [7. S. 10], «органическая экономика», «контингентная экономика», «производительная экономика» и даже «заготовительная экономика». В подписанном руководителем Второго организационного управления К. Хирлем меморандуме «Основные хозяйственно-политические взгляды и цели НСДАП» от 5 марта 1931 г. появился термин, широко употреблявшийся в Германии, но теперь получивший обоснование с точки зрения нацистской идеологии,— «народное хозяйство». «Для нас, национал-социалистов,— подчеркивалось в меморандуме,— народ есть высший человеческий организм на этой земле. Вследствие этого мы ставим в центр всех наших экономических рассуждений **народное хозяйство** как выражение органической жизни народа. Мы наделяем народное хозяйство задачей служить сохранению и дальнейшему развитию народности в биологическом и культурном отношении» [7. S. 11, 12]. Термин «народное хозяйство» прижился, он стал общеупотребительным в нацистском лексиконе, олицетворяя собой основную идею экономического учения германского фашизма.

Итак, не национальная, социальная или органическая экономика, и не экономика вообще, а народное хозяйство — хозяйство народа, понимаемого, как указывалось выше, в качестве расовой, биологически-националистической общности. Понятие «народное хозяйство» легко усваивалось немецким обывателем, ничего против его использования не имела и финансовая олигархия.

Наступил черед всесторонне проанализировать данный термин и на этой основе приступить к разработке национал-социалистского экономического учения. Со стороны НСДАП подготовкой экономической концепции, в том числе ее внешнеэкономических аспектов, занимались Г. Федер, Б. Кёлер, Ф. Рейнхардт, О. Вагенер, К. Хирль, В. Кепплер, В. Дайтц, Г. Хунке и некоторые другие, рангом поменьше. Народное хозяйство, по их мнению, являет собой «организм, живое единство, в кото-

ром царит органическая закономерность» [13. S. 81; 16. S. 4], оно есть «органическое сосуществование, единство с одной душой», оно зиждется на «законе органической свободы» [15. S. 30; 16. S. 4]. Поскольку любая вещь, свобода в том числе, имеет свои пределы, за которыми она неминуемо сталкивается с другой вещью, другой свободой, задача национал-социализма заключается в том, чтобы внимательно следить за развитием отдельных элементов целостного процесса природы, ни в коем случае не допуская перехода ими их естественных свобод; тогда «целое останется в органическом, плодотворном равновесии, не знаящем внутренних кризисов и внешних катастроф» [17. S. 2]. Поэтому «закон органической свободы» означал безусловное следование принципу «внутренней свободы и внешних пределов» [16. S. 4].

Этот вывод имел самое непосредственное отношение к экономической концепции нацизма. В одной из своих статей В. Дайтц задался целью найти меткое, легко схватываемое обывателем понятие, способное адекватно отразить основную идею национал-социалистского экономического учения. Ему показалось, что он нашел такое понятие в термине «пространственная экономика», точнее — «пространственно ограниченная экономика». «Каждому сословию, каждой отрасли,— писал В. Дайтц,— внутри немецкого народного хозяйства выделяется определенное, строго ограниченное пространство. Соблюдая свои естественные пределы, каждое сословие может свободно формировать принадлежащее ему народнохозяйственное пространство. Таким образом, каждая отрасль экономики, обладая внутренней свободой, но и не переступая ее внешние границы, станет живым, творческим звеном великой органической цепочки народного хозяйства» [17. S. 1].

Наблюдать за правильным исполнением «закона органической свободы» в экономической сфере станет национал-социалистское государство. Оно, полагал Дайтц, не будет вмешиваться в «естественную свободу» каждой отрасли или заниматься самостоятельной экономической деятельностью; оно будет обращать внимание лишь на то, чтобы каждая отрасль экономики уважала границы выделенного ей пространства и проявляла необходимое самоограничение [17. S. 2]. В рамках государственного законодательства национал-социализм предоставит каждому человеку свободу частной инициативы и самоуправления. «Если вечно вчерашние,— говорил В. Дайтц, понимая под ними буржуазных либералов,— постоянно утверждают, что национал-социалистское экономическое учение ведет к коллективистским экономическим формам, то это... ложь» [15. S. 34]. Государство в нацистской Германии будет следить только за тем, чтобы «свобода каждого отдельного пространства не причиняла ущерб свободе других» [16. S. 4].

Но в этой своей функции государство придерживается и вы-

соких нравственных принципов, которые в конце концов сводятся к категорическому императиву «Общее благо выше частного». Тем самым «закон органической свободы», в соответствии с которым надлежало возвести здание народного хозяйства в будущем нацистском государстве, провозглашался идеологами национал-социализма подлинно нравственным законом.

Таким образом, в статьях В. Дайтца закладывались теоретические основы нацистского варианта государственно-монополистического капитализма. Его можно включить в число тех, кто в общих чертах сумел соединить «фёлькишское мировоззрение» национал-социализма с экономическими взглядами монополистической элиты, кто формировал начала национал-социалистского учения и таким образом способствовал тому, что банковские и промышленные круги привели Гитлера к власти.

Разрабатывая экономические аспекты действия «закона органической свободы», В. Дайтц уделял пристальное внимание проблеме автаркии. Обращение к этой теме импонировало монополистической буржуазии и приветствовалось ею [9. S. 274]. Термины «автаркия», «оборонная экономика» и т. п. были теми понятиями, использование которых сближало позиции НСДАП и финансовой олигархии при подготовке национал-социалистского экономического учения.

В отличие от других нацистских теоретиков, Дайтц обратился к проблеме автаркии раньше всех — не в годы мирового экономического кризиса, не в середине 20-х гг. и даже не после поражения кайзеровской Германии в первой мировой войне, а еще раньше — во время войны. В статье «О перестройке народного и мирового хозяйства», опубликованной в 1916 г., будущий член Экономического совета имперского руководства НСДАП писал: «Только экономика, которую не в состоянии смертельно поразить враг, дает исходную предпосылку и вообще возможность окончательной победы оружия» [18. S. 15].

Точка зрения Дайтца на проблему автаркии логически вытекала из мировоззрения национал-социализма, из «закона органической свободы». Когда в 1932 г. Дайтц пополнял категориальный аппарат нацистской идеологии новыми терминами, в частности положением о «немецкой жизни из собственной силы и собственного пространства» [19. S. 76, 77], для него в принципе было уже ясно, что автаркия есть не просто что-то связанное с военной экономикой (это разумелось само собой), не какой-то более-менее кратковременный акт с целью одержать победу в войне, а постоянная, естественная форма существования народного организма. «Правильно понимаемая автаркия, — подчеркивал он, полемизируя со своими оппонентами в НСДАП, — означает для народа не что иное как превращение государства и экономики в прочную крепость, из которой он, находясь в полной безопасности, может осуществлять свои вылазки» [20. S. 3]. Тем самым проблема автаркии, а с ней и

все национал-социалистское экономическое учение поднимались Дайтцем на уровень международных отношений.

Нацистские теоретики отчетливо сознавали неразрывную связь между внутренним экономическим развитием страны и ее внешнеэкономической политикой. Они говорили о «единстве методов» при разработке внутрихозяйственных и внешнеэкономических проблем [17. S. 1]. Не довольствуясь такой постановкой вопроса, они шли дальше. Как экономическое учение, так и внешнеэкономическая концепция нацизма целиком и полностью проистекали из национал-социалистского мировоззрения. Один из вариантов методологической основы национал-социализма воспроизводился в письме В. Дайтца К. Хаусхоферу, датированном 10 марта 1932 г. Дайтц сформулировал ее следующим образом: «Не выдумывать какую-то интеллектуально-материалистическую или догматическую конструкцию, претендующую на то, чтобы быть умнее природы, а созерцать вещи в гетевском или кантовском смысле, провозглашать их и подчиняться им умом или смиренно, в зависимости от душевной структуры индивидуума. Ни во что не вмешиваться¹ в смысле Лао-Цзы, но бессознательно входить в развитие событий и развиваться вместе с ними, стремиться быть не умнее их, а подчинять интеллект внутренней логике вещей» [12. S. 127]. Национал-социалистами высоко почитались инстинкт и интуиция, с помощью которых, по их мнению, только и можно «созерцать вещи в гетевском или кантовском смысле».

Указанные методологические и методические принципы использовались для обоснования самых различных сторон национал-социалистского мировоззрения, в том числе внешнеэкономической. И здесь постоянно встречались уже знакомые нам термины — «раса», «народ», «органическая свобода», «пространственно ограниченная экономика», «автаркия», причем все они ориентировались на доказательство полнейшего соответствия германской экономической экспансии «законам природы».

Прежде всего национал-социалистское экономическое учение категорически отвергало само понятие мирового хозяйства — под тем предлогом, что оно не производит, а лишь распределяет. Мирового хозяйства не существует, утверждал, например, В. Дайтц, оно еще никогда ничего не производило, в нем нет и намека на собственное производство. То, что называют мировым хозяйством, на самом деле является межгосударственной торговлей, системой распределения, целиком зависимой от состояния национальных народных хозяйств. Только народные хозяйства имеют право называться «хозяйством», т. е. органически члененой, созидательной сущностью. Только народное хозяйство представляет собой организм, функционирующий в соответствии с «законом органической свободы» и его требо-

¹ Дословно: «ничего не делать».

ваниями — соблюдать внутреннюю свободу и не переступать внешние пределы [15. S. 30; 14. S. 35].

Напротив, мировое хозяйство, согласно нацистской идеологии, — это «нежизнеспособный, мертвый, утробованный механизм», «фальшивое образование», «нелепость», «иллюзорный организм» именно потому, что оно строилось на противоположных организационных и этических принципах. В отличие от народного хозяйства хозяйство мировое не представляет интересы народа и не обладает авторитетом государственной власти. Для него характерны абсолютизация корыстолюбия и безграничной внешней свободы и, наоборот, пренебрежение общим благом и внутренней свободой. Примат мирового хозяйства, как полагали нацистские теоретики, неизбежно приводит к развалу народных хозяйств [14. S. 35; 15. S. 29, 30].

Анализируя процессы, происходящие в недрах «нежизнеспособного механизма» мирового хозяйства с начала XX в., — первую мировую войну, экономические кризисы, Оттавскую систему, — идеологи германского фашизма пришли к выводу, что «так называемое мировое хозяйство» терпит крах, распадаясь на «самостоятельные, т. е. сами себя определяющие экономические пространства», и это есть не что иное, как «развивающийся по своим собственным законам великий процесс природы» [14. S. 34]. Проявления этого краха усматривались ими в отделении США и Японии от европейской экономики, в изоляции Европы от системы международных экономических отношений и в создании великих экономических и жизненных пространств [21. S. 4]. Но что же означает экономика великого экономического пространства, как не постулируемую нацистами «пространственно ограниченную экономику»!

В условиях интенсивного распада мирохозяйственной структуры и формирования крупных жизненных и экономических пространств континентальная Европа во главе с Германией прямо-таки обязана создать собственное великое пространство, иначе она обречена на гибель. Первым актом этого созидательного процесса, по Дайтцу, станет размещение баз продовольственного и сырьевого снабжения Германии в пределах собственной сферы влияния. Основы народного хозяйства и его важнейшие «жизненные сосуды», полагал Дайтц, могут и должны быть «защищены собственными сухопутными и военно-морскими силами» [14. S. 35].

Еще более недвусмысленно по этому вопросу Дайтц высказался в статье «Основные принципы национал-социалистской внешнеэкономической и транспортной политики»: «Продовольствие и жизненно необходимое промышленное сырье, которое нельзя вырастить либо получить, в пределах политических границ, должно в любое время быть доступным в пределах его (народа. — В. Б.) сферы влияния, простирающейся ровно настолько, насколько простирается его морская и военная мощь. Это зна-

чит, что каждое народное хозяйство, но прежде всего немецкое... должно создать свое собственное, обороняемое своими вооруженными силами, жизненное и экономическое пространство...» [15. S. 31]. Как видно, проблема автаркии рассматривалась Дайтцем уже не только в рамках народного хозяйства, но и на более высоком уровне — в пределах сферы влияния.

Таким образом, исследование процесса развития мирового хозяйства уже в начальной стадии привело идеологов НСДАП к выводу о необходимости насильственного создания германского жизненного и экономического пространства, покоящегося на автаркии. Хотя эта проблема в теоретическом плане была только поставлена, а ее обоснование отодвигалось на последующие годы, сама идея — автаркия в великом пространстве — с восторгом принималась наиболее реакционными кругами монополистической буржуазии. Ведь и их мысли развивались в том же самом направлении. Включение в идейный багаж национал-социалистского экономического учения тезиса об автаркическом великом пространстве, несомненно, способствовало укреплению и без того прочного союза НСДАП и финансовой олигархии накануне установления фашистской диктатуры.

Теперь нацистских экспертов интересовали более конкретные вопросы, а именно: где будет располагаться германское жизненное и экономическое пространство и как приступить к его созданию. Ответ на них тоже был найден на путях натуралистического мировоззрения национал-социализма.

В феврале 1932 г. В. Дайтц подготовил меморандум «Национал-социалистская политика в восточном пространстве и Ганзейский канал» [22], основные положения которого получили одобрение Гитлера [12. S. 125]. И неудивительно: в нем обосновывались и развивались изложенные в «Майн кампф» принципы пространственной внешней политики и предлагалась внешнеполитическая и внешнеэкономическая программа рейха после прихода нацистов к власти. Можно поражаться, сколь точно автор меморандума предугадал принципиальные линии германской агрессии в Европе накануне и в годы второй мировой войны.

В февральском меморандуме термин «автаркия» впервые распространялся на сферу внешней политики [22. S. 10]. Дайтц утверждал, что национал-социалистская внешняя политика должна быть автаркической, т. е. сознательно направленной на завоевание покоящегося на автаркии жизненного и экономического пространства. Пространственная, или автаркическая, внешняя политика и пространственно ограниченная, или автаркическая, внешняя экономика, по его мнению, наиболее адекватно отражали суть внешнеэкономической концепции германского фашизма. Цель и политики, и экономики состояла в захвате нового пространства, новых территорий и их освоении. Но в какой стороне их искать?

Отправной точкой рассуждений Дайтца стало требование

«осуществить «поворот на Восток», возобновить и продолжить «завоевание, колонизацию и заселение Востока» вплоть до Сибири [22. S. 3, 4, 5]. Но эту задачу одним махом не решить. Сначала нужно приблизиться к границам СССР, создав две сферы влияния в малых странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Первая сфера влияния — это район Балтийского моря, вторая — группа небольших государств, расположенных между Балтийским, Черным и Средиземным морями, — «от Латвии до Греции». Эти регионы должны стать первоочередным объектом экономической эксплуатации и политических экспериментов будущего нацистского рейха. «Когда-нибудь группа этих восточно-европейских государств с естественной необходимостью достанется Германии», — цинично предрекал автор меморандума [22. S. 9]. Тогда неизбежно возникнет вопрос о судьбе этих стран: включать ли их в состав Германии или, проведя «известные корректировки границы», оставить им иллюзорную политическую самостоятельность. Дайтц высказался в пользу второго варианта, добавив, впрочем, что вопрос о том, «в какой мере народ приближает свои политические границы к границам своей сферы влияния, является исключительно вопросом целесообразности» [22. S. 10; 19. S. 2, 3].

Создав сферы влияния в Прибалтике и Юго-Восточной Европе, Германия, говорил В. Дайтц, сможет впоследствии взять в клещи собственно восточное пространство — Советский Союз. Нацистский рейх, который к тому времени будет находиться в союзе с Великобританией и США, нанесет большевизму поражение и приступит к освоению несметных богатств Востока. Наступит состояние «полнейшей немецкой автаркии». Германское экономическое, а затем и жизненное пространство станет явью.

Если следовать не букве, а духу меморандума В. Дайтца, окажется, что и это далеко не предел, так как пространственно ограниченная экономика на самом деле имела тенденцию к безграничному расширению. Автаркическое народное хозяйство, автаркическая экономика на уровне сфер влияния в малых странах Восточной и Юго-Восточной Европы, автаркическое германское жизненное пространство... Правда, с переходом на более высокий уровень автаркия становилась все более полной — вплоть до полного насыщения в жизненном пространстве. Но как раз это и не являлось аргументом для идеологов национал-социализма. Наоборот. «Немецкий человек, как человек нордический, всегда является завоевателем, — писал В. Дайтц. — ...Поэтому он вновь и вновь... стремится прорваться в части мира, еще доступные такому завоеванию. Для этого с помощью автаркии надлежит построить надежную крепость, из которой он может предпринимать свои вылазки и завоевательные походы и в которой он в случае войны не сможет быть взят измором...» [22. S. 12]. Все ясно.

Завершая краткий обзор проблем, связанных с разработкой внешнеэкономической концепции германского фашизма в 1929—1933 гг., отметим, что в годы мирового экономического кризиса произошло — отнюдь не безболезненно и путем взаимных уступок — далеко идущее сближение национал-социалистского мировоззрения со взглядами наиболее реакционных кругов немецкой финансовой олигархии. На этой почве возникла общая программа переустройства внутрихозяйственных и внешнеэкономических отношений, которая зиждилась на принципах государственно-монополистического капитализма в крайних формах его проявления. Вместе с представителями крупнейших монополий и реакционно настроенной профессуры нацистские идеологи приступили к составлению целостного экономического учения. В теоретическом плане его структура и основные компоненты только намечались, основательная его проработка и тем более апробация отодвигались на последующие годы. Но и этого было уже вполне достаточно для германского финансового капитала, чтобы в январе 1933 г. привести Гитлера к власти, — ведь впереди мерещился призрак мирового господства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985.

² Руге В. Как Гитлер пришел к власти: Германский фашизм и монополии. М., 1985.

³ Hitler A. Mein Kampf. München, 1933. Bd 2: Die nationalsozialistische Bewegung.

⁴ Petzold J. Monopole — Mittelstand — NSDAP: Zu ideologischen Auseinandersetzungen zwischen den Interessenvertretern des Mittelstandes und des Monopolkapitals in der faschistischen Partei, 1932 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1980. H. 9.

⁵ ZStA. NSDAP, Reichstagsfraktion. Bd. 10.

⁶ Vogelsang R. Der Freundeskreis Himmlers. Göttingen, 1972.

⁷ Barkai A. Die Wirtschaftsauffassung der NSDAP. Sonderdruck aus: Aus Politik und Zeitgeschichte: Beilage zur Wochenzeitung das Parlament. 1975. B. 9. 1. März' 1975.

⁸ Barkai A. Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus: Der historische und ideologische Hintergrund, 1933—1936. Köln, 1977.

⁹ Volkmann H.-E. Das außenpolitische Programm der NSDAP, 1930—1933 // Archiv für Sozialgeschichte. Bonn; Bad Godesberg, 1977. Bd 17.

¹⁰ Teichert E. Autarkie und Großraumwirtschaft in Deutschland, 1930—1939: Außenwirtschaftliche Konzeptionen zwischen Wirtschaftskrise und Zweiten Weltkrieg. München, 1984.

¹¹ Pätzold K., Weißbecker M. Hakenkreuz und Totenkopf: Die Partei des Verbrechens. B., 1981.

¹² Jacobsen H.-A. Karl Haushofer: Leben und Werk. Boppard am Rhein, 1979. Bd 2.

¹³ Daitz W. Kontingentwirtschaft als Grundlage der nationalsozialistischen Geld- und Kreditwirtschaftsorganisation // Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. Dresden, 1943. T. 2.

¹⁴ Daitz W. Über die Errichtung eines Handelsamtes (Außenhandelskam-

mer) // *Daitz W.* Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. T. 2.

¹⁵ *Daitz W.* Grundsätzliches zur nationalsozialistischen Außenhandels- und Verkehrspolitik // *Daitz W.* Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. T. 2.

¹⁶ *Daitz W.* Die Wirtschaftsphilosophie und Wirtschaftspolitik des Nationalsozialismus // NSW. Nationalsozialistische Wirtschaftsdienst: Mitteilungen des Beauftragten der Reichsleitung für des Wirtschaftsgebiet Nord. Hamburg, 1932. 5. Dez.

¹⁷ *Daitz W.* Raumgebundene Wirtschaft! // NSW. Nationalsozialistische Wirtschaftsdienst. 1932. Sonderdruck.

¹⁸ *Daitz W.* Zum Umbau der Volks- und Weltwirtschaft // *Daitz W.* Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. T. 1.

¹⁹ *Daitz W.* Wesen und Grenzen produktiver Kreditschöpfung // *Daitz W.* Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. T. 2.

²⁰ *Daitz W.* Außenhandel und Ostraumpolitik // NSW. Nationalsozialistische Wirtschaftsdienst. 1932. 3. Okt.

²¹ Autarkie in Mittel- und Osteuropa // NSW. Nationalsozialistische Wirtschaftsdienst. 1932. 3. Okt.

²² *Daitz W.* Die nationalsozialistische Ostraumpolitik und der Hansa-Kanal: Ein Beitrag zum nationalsozialistischen Arbeitsbeschaffungs-Programm. B., 1932.

С. И. РЯБОКОНЬ
Уральский университет

Противодействие гитлеровской Германии советско-французскому пакту о взаимопомощи 1935 г. на Балканах (визит Геринга в Будапешт, Софию и Белград в мае-июне 1935 г.)

В исследованиях советских историков одно из центральных мест занимают советско-французские отношения периода 1933—1935 гг., завершившиеся подписанием пакта о взаимопомощи 2 мая 1935 г. [1, 2, 3, 4, 5]. Однако сопротивление нацистской Германии усилиям Советского правительства распространить систему коллективной безопасности на Юго-Восточную Европу не нашло еще достаточного освещения [6]. В настоящей статье показаны попытки гитлеровской Германии укрепить антисоветские тенденции во внешней политике правительств Венгрии, Болгарии и Югославии, предпринятые «нацистом номер два» Герингом во время поездки в Будапешт, Софию и Белград весной и летом 1935 г.

Настойчивые усилия Советского Союза, направленные на создание в Европе системы коллективной безопасности, уве